проанализировала и все другие версии, в том числе появившиеся в XV—XVII вв. в переводе с чешского языка и польского. Много внимания уделила разным обработкам того же сюжета: в школьной драме, в ораторской прозе XVII—XVIII вв. (Симеон Полоцкий, Лазарь Баранович, Стефан Яворский), в виршевой поэзии XVIII в., в древнерусской живописи и, наконец, в русском, украинском и белорусском фольклоре, где сюжет этот был обработан в форме духовного стиха. Широкая популярность духовного стиха об Алексее человеке божьем побудила В. П. Адрианову-Перетц подробно остановиться на его изучении. Анализ всех вариантов стиха (в распоряжении Адриановой-Перетц было 74 варианта) развернулся в обширное изыскание, основные выводы которого могут быть сведены к следующим положениям: все варианты воспроизводят один и тот же стих, первооригинал которого можно отнести к XVII в.; в основу стиха легло древнее славянское житие Алексея; в процессе устной передачи, от певца к певцу, стих испытал воздействие и сказок народных, и былевого эпоса, и других духовных стихов; на Украине стих исполнялся преимущественно лирниками и приобрел характер лирической песни, в значительной степени утратив свою эпическую основу; в Белоруссии стих в процессе устной передачи столкнулся с аналогичной польской песнью на тот же сюжет и через ее посредство вступил в общение с целой группой западноевропейских обработок легенды об Алексее.

К этой всегда занимавшей ее теме («литературная история») В. П. Адрианова-Перетц не раз возвращалась и позже. Заслуживают внимания в этой связи две ее статьи 1926 г.: «Данило Корсунський — паломник XVI-го віку» и «Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII века».

Предметом первой статьи является неизученный памятник конца XVI в. — «Хождение» Данила Корсунского. В 1590 г. некто Даниил, житель «Белой России», отправился с благочестивой целью в Палестину. Вернувшись в 1594 г. домой, он задумал описать это путешествие. В предисловии к «Хождению» он обещает читателю рассказать подробно, что видел; не раз повторяет, что все ниже описанное он действительно видел «очима своима грешными», что описал свое «хождение» «вся по истинне, ничто же солгах». В действительности же, как убедительно показала В. П. Адрианова-Перетц, и эти его слова, и текст в целом, в центральной своей части во всяком случае, целиком списаны у игумена Даниила — писателя-путешественника XII в. Даниил Корсунский не потрудился даже устранить из своего изложения явные анахронизмы: если верить его словам, он видел в Палестине рыцарей-крестоносцев и даже «князя Балдуина!». «Хождение» корсунского паломника тем не менее усердно переписывалось на юго-западе Руси вплоть до XVII в., а в XVIII в. было переведено на русский язык. В статье установлен факт, интересный и сам по себе и как материал для характеристики судьбы одного из выдающихся памятников литературы Киевской Руси.

Во второй статье В. П. Адрианова-Перетц показала, что переделке, а иногда и коренной переработке подвергались не только памятники древнерусской литературы, но и литературная продукция новой формации — те или иные печатные литературные произведения XVIII в. В ряде рукописных сборников второй половины XVIII в. В. П. Адрианова-Перетц обнаружила серию коротеньких новелл, изложенных характерной для лубочной литературы рифмованной прозой. Анализ выяснил, что эти юмористические «жарты» — «забавные», «фигурные» и «увеселительные», как называются они в сборниках, — не что иное, как переделка в лубочном стиле очень популярного, не раз переиздававшегося в XVIII в. сборника